

Перед окончанием уроков Цзянь Фу с на редкость серьёзным выражением лица вытащил Цэнь Сяо из кабинета.

Ли Жун, подперев подбородок ладонью, лениво хлопал ресницами, провожая их взглядом.

Отыскав в коридоре безлюдный уголок, Цзянь Фу выудил из кармана пачку сигарет. Привычным жестом он зажал одну в губах и, прикрыв огонёк зажигалки ладонями, глубоко затянулся. Выпустив изо рта идеальное кольцо дыма, он с довольным видом протянул сигареты Цэнь Сяо, предлагая тому составить компанию.

Собеседник коротким жестом оттолкнул его руку.

Цзянь Фу замер, недоумённо потряхнув пачкой. — Не хочешь? Фруктовые, вкус отличный.

Почувствовав запах табака, Цэнь Сяо слегка нахмурился и разогнал ладонью дымную завесу, повисшую в воздухе. — Бросил.

— Бросил? Когда это? — юноша выглядел так, будто услышал несусветную глупость.

Всего месяц или два назад они курили вместе. Цэнь Сяо никогда не страдал от зависимости — так, баловался изредка после стрельбища, чтобы снять усталость. Но сейчас он смотрел на сигареты с нескрываемым отвращением.

Сын председателя, не желая развивать тему, перевёл разговор в иное русло: — Зачем звал? Говори быстрее.

Цзянь Фу мгновенно забыл о курении. Сбив пепел, он шумно выдохнул, и в его голосе прорезалось раздражение: — Брат, на кой чёрт тебе это десятое место?

Цэнь Сяо усмехнулся. — Ты и впрямь верил, что мой предел — дно списка?

— Да нет, конечно... Я знал, что если ты захочешь, то сдашь как надо. Но чёрт возьми, ты же меня не понял! Оказавшись на десятой строчке, ты буквально кричишь отцу, что взялся за ум.

По правде говоря, Цзянь Фу и не предполагал, что его друг совершит такой рывок. Он думал, что реальный уровень Цэнь Сяо — где-то в середине списка. И сейчас до него вдруг дошло: он, возможно, никогда не знал истинных способностей товарища. А может, тот просто никогда и ни перед кем не раскрывал карт. Включая его самого.

Цэнь Сяо даже бровью не повёл, будто возможные последствия его ничуть не заботили. Лишь при упоминании отца его кадык едва заметно дернулся, а цепочка на шее блеснула в свете люминесцентных ламп так ярко, что на мгновение ослепила.

— Я попросил его об услуге. Естественно, мне пришлось соответствовать его требованиям.

Ли Жун полагал, что условием Цэнь Цина был лишь прогресс в учёбе, но всё оказалось гораздо сложнее.

В тот вечер, когда Цэнь Сяо вернулся домой, на вешалке в прихожей уже висело мужское пальто, ещё хранившее холод осенней изморози.

Сяо Мужань, прижимая к себе кота, стояла на лестнице второго этажа. Её волосы были слегка растрёпаны, а одна пуговица на пижаме, видимо, оторвалась. Женщина застыла, не отрывая взгляда от висевшего внизу пальто — заказного изделия с эмблемой Торговой палаты. В её глазах читались скорбь, бессилие и горькое терпение. Она даже не заметила появления сына.

— Отец вернулся? — спросил Цэнь Сяо.

Лишь тогда Сяо Мужань пришла в себя. Скрыв эмоции, она опустила голову и принялась ласково поглаживать мягкую шёрстку Сяо У. — Не знаю. Мне всё равно.

Юноша, привыкший к подобному, с невозмутимым видом начал подниматься по ступеням. Поравнявшись с матерью, он на мгновение помедлил. — Mam, то дело... Не факт, что за ним стоит «Ланьшу». И уж тем более не факт, что это работа отца.

Мать резко вскинула на него взгляд. Её дыхание участилось, а в глазах застыла хрупкая, почти детская мольба, словно у загнанного ягнёнка. Это был взгляд человека, внезапно осознавшего своё полное одиночество.

— Ты защищаешь его? Неужели не понимаешь, сколько грязи внутри Объединённой палаты? И... разве не у твоего отца самый веский мотив?

Цэнь Сяо нахмурился. Он хотел что-то возразить, но в последний момент сдержался. — Я лишь констатирую факты. Пойду к нему в кабинет.

Председатель Цэнь редко бывал дома — здесь для него было мало привлекательного. Если бы не требования должности и необходимость поддерживать статус, они с женой, вероятно, давно бы расстались.

Когда Цэнь Сяо вошёл, отец разбирал книжный шкаф. Полки были плотно заставлены папками с документами и старыми книгами, расставленными строго по номерам — отчёты о каждом деле, которое можно было предать огласке.

Сын скользнул взглядом по захламлённому письменному столу. Заметив на крафтовых конвертах знакомое тиснение Третьего района «Ланьшу», он бесстрастно отвернулся и без лишних церемоний опустился в небольшое кресло напротив стола. — Отец, мне нужна услуга.

Движения Цэнь Цина замерли. Он обернулся и смерил сына взглядом. Мужчина уже открыл рот, собираясь прочесть нотацию о «недостойном поведении» и «отсутствии манер», но, увидев спокойную позу Цэнь Сяо и его холодную сосредоточенность, передумал.

Деловая интуиция никогда не подводила председателя. Глядя на своего ребенка, он невольно нахмурился. Что-то в ауре Цэнь Сяо изменилось: перед ним сидел не бунтующий подросток, а человек, чья весомость не уступала высокопоставленным чинам.

— Снова натворил что-то в школе? — голос Цэнь Цина оставался беспристрастным. — Не думай, что я не проверяю твои счета. Ты перевёл кому-то сто тысяч.

Цэнь Сяо не сдержал усмешки. Похоже, представление отца о его жизни всё ещё ограничивалось рамками школы А.

Впрочем, это было объяснимо.

Опершись спиной о кресло, он выпрямился и, глядя родителю прямо в глаза, заговорил без обиняков: — Найдите людей, чтобы присмотрели за следственной группой по делу Ли Цинли. Кто-то пытается через связи выудить данные с его компьютера.

При упоминании этого имени Цэнь Цин мгновенно помрачнел. — С чего вдруг тебя заботит Ли Цинли? Следственная группа действует беспристрастно, никакие материалы не покинут архив.

Цэнь Сяо улыбнулся. Он понимал, что отец не настолько наивен, чтобы верить в существование абсолютно герметичной блокировки. Старик Цэнь говорил так лишь потому, что рассчитывал на неосведомлённость сына в хитросплетениях отношений между «Ланьшу» и институтом «Хунсо». Ему просто было лень в это ввязываться.

— Отец, если «Ланьшу» надавит на следствие, материалы действительно никуда не утекут.

— Ты так и не ответил: зачем тебе это?

— Раз уж вы проверили мои счета, то не можете не знать, кому ушли деньги, — небрежно бросил Цэнь Сяо.

Председатель знал. Собственно, он и вернулся, чтобы серьёзно поговорить на эту тему. — Цэнь Сяо, чего ты добиваешься?

Взгляд юноши стал ледяным. Поглаживая пальцами резной подлокотник, он тихо произнёс: — Моё отношение к семье Ли... думаю, вы и сами понимаете.

— Держись подальше от этой фамилии, — предостерег отец. — Не знаю, во что ты играешь, но не смей втягивать меня в свои авантюры.

Цэнь Сяо опустил глаза, скрывая эмоции, и спокойно ответил: — Я редко прошу вас о чём-то. Советую воспользоваться шансом. Когда я сам получу нужные полномочия, упрашивать вас мне уже не придётся.

Формально парень просил об одолжении, но Цэнь Цину на миг показалось, что сын окончательно вышел из-под его контроля. Раздражение взяло верх.

— Хорошо. Тогда ты подашь документы в Девятый район «Ланьшу».

Председатель не верил, что Цэнь Сяо согласится. Все эти годы сын шёл наперекор лишь потому, что не желал лезть в это болото и уж тем более не хотел становиться его опорой в Объединённой палате. В какой-то степени Цэнь Сяо ненавидел «Ланьшу» не меньше, чем его мать.

Цэнь Сяо поднял веки и пристально посмотрел отцу в глаза. После долгого молчания его губы тронула тень улыбки. — Идёт.

Он даже не взял паузу на раздумья. Для него это решение прозвучало так же обиденно, как предложение пообедать.

— В Девятый район?! — Цзянь Фу не выдержал, едва не сорвавшись на крик прямо в коридоре.

Обыватели знали лишь о восьми секторах Объединённой торговой палаты «Ланьшу», курирующих разные сферы бизнеса. Лишь избранные ведали о существовании Девятого района. Цзянь Фу знал о нём немного, но и этого хватало: там работали люди, которых нельзя было назвать нормальными в привычном смысле слова. Даже остальные восемь районов тайне побаивались «девятым».

Цэнь Сяо смерил его тяжёлым взглядом. — Тише ты. Хочешь, чтобы вся школа услышала?

Друг в отчаянии притопнул ногой, едва не выронив сигарету. — Твою же... Он тебе точно

родной отец? Девятый район — это же преисподняя! Пошёл бы в Третий или к моему старику в Первый — жили бы припеваючи под прикрытием. Брат, ты совсем с катушек съехал?

— Это ты съехал, — парировал Цэнь Сяо, вскинув бровь. — Или ты не хочешь в будущем иметь своего человека в Девятом районе?

Цзянь Фу сглотнул и осторожно спросил: — Брат... ты же не ради меня это затеял? Да не стоит оно того. Мои вроде законов не нарушают, девятым до нас дела нет...

— Ради тебя? Слишком много на себя берешь, — Цэнь Сяо безжалостно затушил окурок товарища о перила балкона. — Задохнуться можно. Пошли обратно.

Едва они отошли, как увидели у дверей класса Ли Жуна. Напротив него стоял Гу Тянь.

Репутация у двоюродного брата была скверная. Его несколько раз отчисляли за драки, и лишь благодаря связям Гу Чжаоняня ему удавалось закрепиться в школе. У дяди была лишь одна мечта — увидеть сына студентом Университета А, ради чего он был готов спустить последнее состояние. К сожалению, Гу Тянь этих надежд не оправдывал.

Засунув руки в карманы и сдвинув кепку набок, хулиган поигрывал правой ногой и одаривал Ли Жуна ледяной ухмылкой: — Надо же, Ли Жун, снова первый в списке.

На самом деле такие школьные заправилы, как он, редко пересекались с отличниками — каждый жил в своём мире. Но беда была в том, что мать Ли Жуна и отец Гу Тяня были родными братом и сестрой. С самого детства их постоянно сравнивали. И на фоне Старосты кузен всегда выглядел жалко.

Вся родня до десятого колена, расхваливая Ли Жуна, не упускала случая уколоть его. Даже собственные родители порой сокрушались, что не могут «переделать» его в такого же гения.

Когда у семьи Ли начались неприятности, родственники разбежались кто куда, и Гу Тянь надеялся, что наконец-то наступит покой. Но не тут-то было. Гу Чжаонянь, вернувшись домой, устроил сыну такой разнос, что тот долго не мог понять, за что огребают. Лишь позже мать проговорила: Ли Жун, едва придя в себя, высмеял шансы брата на поступление в Университет А и высказал презрение к попыткам дяди «купить» место.

Ли Жун лишился всего, но всё ещё смел смотреть на него свысока.

Ли Жун лениво приподнял веки. В его холодном взгляде, устремлённом на кузена, сквозило искреннее недоумение: — Разве моё первое место — не нечто само собой разумеющееся?

Гу Тянь заскрежетал зубами, на его лице заходили желваки. — Опять этот взгляд... Не смей, мать твою, так на меня смотреть!

Этот чистый, холодный, исполненный пренебрежения взгляд был точно таким же, как прежде, когда Ли Жун ещё был сыном великого профессора.

Парень отвернулся и безразлично усмехнулся. Тонкие линии его шеи проступили под кожей, подчёркивая болезненную хрупкость. — Как скучно.

Тратить слова на Гу Тяня было действительно невыносимо скучно. Если бы тот не начал разоряться и сквернословить прямо в экспериментальном классе, Ли Жун и не подумал бы выходить.

Дебошир, окончательно взбешённый этим равнодушием, замахнулся, но в последний момент сдержался. — Ли Жун, слышал, ты теперь совсем на мели? Пытаешься срубить деньжат с одноклассников за репетиторство? Мы всё-таки родня, попроси меня по-хорошему — может, батя и подкинет тебе мелочи. Твои предки были такими крутыми, неужто совсем ничего не оставили?

Староста прищурился. Большой палец мягко коснулся костяшки указательного.

«Если я ударю первым, — прикидывал он, — смогу ли потом уклониться от ответного выпада?»

В этот раз он слишком сильно измотал свой организм болезнью. Гнев Цэнь Сяо был оправдан — сейчас Ли Жуну не хватало дыхания даже на то, чтобы подняться по лестнице.

Оценив ситуацию, он медленно расслабил кисть. Юноша уже готов был проглотить обиду, но боковым зрением заметил приближающиеся фигуры Цэнь Сяо и Цзянь Фу. Тайный разговор закончился.

Ли Жун слегка изменился в лице. Усмехнувшись, он произнёс с неприкрытым презрением: — Деньги твоего отца лучше приберечь для покупки твоего диплома.

Красивые люди наделены преимуществом: их черты лица безупречно передают любые эмоции. И когда такой человек решает кого-то унижить, удар становится вдвойне болезненным.

— Повтори, что сказал? — взревел Гу Тянь. Потеряв над собой контроль, он замахнулся и нанёс удар, целясь в лицо брату.

Несмотря на слабость, Ли Жун не забыл годы тренировок. Он мгновенно уклонился, и кулак пролетел мимо щеки. Однако на то, чтобы увести всё тело, сил не хватило — удар пришёлся в плечо. Парень пошатнулся и с силой ударился о холодную стену коридора.

Твёрдый камень и ледяной холод отозвались резкой болью. Зажмурившись и стиснув зубы, Ли Жун схватился за плечо и зашёлся в тяжёлом кашле. Боль была тупой, она медленно растекалась от сустава к руке, не желая утихать. Лицо его побелело, а виски намокли от

холодного пота.

Прошло несколько секунд, прежде чем юноша смог снова открыть глаза. Тяжело дыша, он ледяным взглядом уставился на агрессора.

— Ну и где твоя спесь?! Хрена ли ты выпендривался?! — Гу Тянь, видя слабость противника, окончательно осмелел. Встретив непокорный взгляд, он снова поднял руку для удара.

Но в этот раз ударить не удалось. Его запястье перехватили стальной хваткой. Задира рванулся, но рука не шелохнулась. Вместо этого кости запястья отозвались мучительной болью. Обернувшись, он увидел лицо Цэнь Сяо и застыл.

Он никогда не сталкивался с ним лично, но видел, как Цэнь Сяо разделяется с людьми. Честно говоря, те зрелища оставили в его душе неизгладимый след. Этот человек в гневе был по-настоящему страшен.

Ли Жун, прижимаясь спиной к стене и видя, что подмога пришла, заметно расслабился. Чуть вскинув подбородок, он с самым несчастным видом пожаловался: — Ну почему ты так долго? Мне же больно, кажется, кость сейчас треснет.

Цэнь Сяо мельком взглянул на него, задержав взор на плече. Ли Жун осторожно потирал ушибленное место сквозь одежду. Сквозь ткань было не разобрать тяжесть травмы, но, судя по тому, что он боялся даже надавить, удар был сильным.

— Цзянь Фу, поговори-ка с этим...

Ли Жун, преодолевая боль, тут же вставил: — Гу Тянь. Сын моего дяди, мой дражайший кузен. Из двенадцатого класса. Его отец — водитель ректора Университета А.

Гу Тянь опешил. — ...Может, ещё и номер дома назовёшь?

Голос Цэнь Сяо прозвучал злоеце: — Цзянь Фу, отведи этого Гу Тяня подальше и потолкуй с ним как следует. Только не слишком быстро — не хочу повторять дважды.

Ли Жун побледнел от боли, но не упустил случая выразить сожаление: — А мне нельзя посмотреть? Ты сам не будешь его учить?

Цэнь Сяо отрезал довольно резко: — Нет.

На лбу Гу Тяня вздулись вены. Он не хотел ссориться с Цэнь Сяо — просто не мог себе этого позволить. Мало того что он не выстоял бы против этой парочки, так ещё и статус семьи не позволял ему переходить дорогу таким людям.

— Цэнь Сяо, я же тебе ничего не сделал. Зачем тебе впрягаться за него?

Цзянь Фу вальяжно усмехнулся и похлопал Гу Тяня по плечу: — О каких пустяках ты говоришь? Это наш Староста. Неужто не понимаешь, кто нам ближе?

Хулигана бросило в жар. Он в ярости ткнул пальцем в сторону Ли Жуна: — Да он же из «Хунсо»!

Цзянь Фу, теряя терпение, схватил его за шиворот и потащил к выходу. — Да-да, я в курсе. На улице всё мне расскажешь. Пойдёшь сам или мне помочь?

Ли Жун посмотрел на направленный в его сторону палец кузена и не удержался от шпильки: — На твоём месте, оценив обстановку, я бы помалкивал. — А затем добавил, обращаясь к Цзянь Фу: — Не стоит сдерживаться из уважения к нашим родственным связям.

Цзянь Фу огрызнулся: — ...Кто тут вообще собирался тебя слушать?

Ли Жун не обиделся, а лишь заботливо бросил вслед: — Кури поменьше. Дым едкий, для здоровья вредно.

Цзянь Фу, волоча Гу Тяня вниз по лестнице, пребывал в крайнем унынии. Почему сегодня каждый считает своим долгом попрекнуть его дымом? Он же курит фруктовые!

Цэнь Сяо хмыкнул: — Храбрый, когда за чужой спиной. Вижу, ты мастерски ориентируешься в ситуации.

От удара о стену у Ли Жуна всё внутри перевернулось. Сдерживая кашель, он отвёл со лба мешающую прядь волос и упавшим голосом спросил: — Если бы я тогда не справился с Цуй Минъяном, ты бы тоже вмешался?

Цэнь Сяо промолчал.

Молчание было знаком согласия. Ли Жун удовлетворённо прикрыл глаза, уголки его губ дрогнули в улыбке, и на бледном лице наконец проступили краски.

— Намеренно подставился? — спросил Цэнь Сяо.

Он не верил, что Ли Жун не мог уклониться. Он знал уровень подготовки Старосты, возможно, даже лучше, чем сам Ли Жун.

— Я видел удар. Но тело... оно просто не слушается. Сил нет. Хорошо хоть лицо уберёт.

Ли Жун умел смотреть самым невинным взглядом. Его глаза, глубокие и ясные, казались зеркалом искренности — даже в самую невероятную ложь хотелось верить. Под таким напором не мог устоять даже Цэнь Сяо.

Цэнь Сяо опустил взгляд. Убрав холодные пальцы Ли Жуна, он осторожно прощупал его плечо. Убедившись, что кость цела, он негромко спросил: — Больно?

— Тц... — выдохнул Ли Жун. — В этот раз действительно больно.

<http://bllate.org/book/15351/1416777>